

А

Н. А. Добролюбов

Забитые люди

(Сочинения Ф. М. Достоевского. Два тома. Москва, 1860 г.

"Униженные и оскорбленные", роман в 4-х частях Ф. М. Достоевского. "Время", 1861 г., N I--VII)

Н. А. Добролюбов. Русские классики. *Избранные литературно-критические статьи.*

Издание подготовил Ю. Г. Оксман.

Серия "Литературные памятники"

М., "Наука", 1970

OCR Бычков М. Н.

I

"Опять о забитых личностях! Мало еще было толковано о них в "Темном царстве", мало вообще надоедал ими "Современник" в своем критическом отделе! И ведь пришла же человеку в голову безобразная мысль -- превратить дело художественной критики в патологические этюды о русском обществе... ¹ Вот хоть бы теперь на очереди стоит чрезвычайно важный для искусства вопрос о сущности и степени творческого таланта одного из замечательнейших деятелей нашей литературы, вопрос тем более интересный, что о нем, в течение пятнадцати лет, были высказаны самые разнообразные мнения. Появление "Бедных людей" было встречено величайшим восторгом всей литературной партии, признавшей Гоголя; Белинский провозгласил, что хотя г. Достоевский и многим обязан Гоголю, как Лермонтов Пушкину,-- но что тем не менее он -- сам по себе, вовсе не подражатель Гоголя, а талант самобытный и громадный. Он начал так, прибавлял Белинский, как не начинал еще ни один из русских писателей. Мало того,-- Белинский пророчествовал таким образом: "Талант г. Достоевского принадлежит к разряду тех, которые постигаются и признаются не вдруг. Много, в продолжение его поприща, явится талантов, которых будут противопоставлять ему, но кончится тем, что о них забудут именно в то время, когда он достигнет апогея своей славы" ("Отечественные записки", 1846, No III, стр. 20) ². Это было писано еще в то время, когда в ходу были повести гг. Соллогуба, Луганского, Гребенки и т. п.; г. Гончаров еще не появлялся тогда с "Обыкновенной историей"; гг. Тургенев и Григорович едва напечатали несколько незначительных рассказов; об Островском, Писемском, Толстом и других, впоследствии прославившихся писателях, не было еще ни слуху ни духу. Прошло с тех пор еще три года: новые писатели возникали и приобретали себе почетную известность; г. Достоевский все продолжал писать, и ни одно из его новых произведений не сравнилось с первою его повестью. В половине 1849 года литературная деятельность его прекратилась ³, и литература не выразила при этом особенных сожалений. Если в течение десятилетнего молчания г. Достоевского иногда и вспоминали о нем, то разве затем, чтобы посмеяться над собственным простодушием, с которым производили его в гении за первую повесть, и о непомерном самолюбии, до которого довело его общее поклонение. Но два года тому назад г. Достоевский снова появился в литературе, хотя имя его было уже слишком бледно пред новыми светилами, загоревшимися на горизонте русской словесности в последнее десятилетие. В эти два года он напечатал четыре больших произведения, и об них еще не произнесен беспристрастный суд критики ⁴. Теперь именно и предстоит для критика задача -- определить, насколько развился и возмужал талант г. Достоевского, какие эстетические особенности представляет он в сравнении с новыми писателями, которых еще не могла иметь в виду критика Белинского, какими недостатками и красотами отличаются его новые произведения и на какое действительно место ставят они его в ряду таких писателей, как гг. Гончаров, Тургенев, Григорович, Толстой и пр. Критику предстоит художественный вопрос, существенно важный для истории нашей литературы,-- а он собирается толковать о забитых людях -- предмете даже вовсе не эстетическом".

Всякий раз, как я начинаю писать критическую статью, меня начинают осаждать требования и возгласы подобного рода. По мнению одного критика, мне от них нет другого спасения, как признаться откровенно, что решение вопросов подобной важности -- мне не под силу ⁵. Я бы, пожалуй, и готов признаться; но ведь это, во-первых, для самолюбия обидно, а во-вторых -- зачем же мне клепать на себя?